

Культ тела в символическом поле праведности

Алена Калистратова Игоревна

Аспирант

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний
Новгород, Россия

E-mail: helene.kalistratova@yandex.ru

В основе нашего исследования лежит гипотеза, что поп-культура (и мода как часть нее) есть поле иконических знаков, возникающих либо вследствие деградации символов как наиболее сложного и полисемантического вида знаков, либо вследствие развития практически обусловленных форм-гештальтов (Пименов 2007, с. 33) с присвоением им набора более глубоких, чем простая необходимость, культурных смыслов. Иконические знаки на уровне массовой культуры однако не могут обладать полисемантикой, поскольку в этом случае исполнение коммуникативной функции элемента культуры (к примеру, плаката, костюма) будет затруднено.

Актуальная мода в составе массовой культуры рассматривается как пик социальной акцептации некоего иконического пула, который на текущем этапе развития содержит максимум позитивных (либо по меньшей мере нейтральных) коннотаций и минимум негативных. В качестве субстрата для возникновения иконических знаков нового порядка рассматривается область маргинальной символики, который может лежать не только ниже нормы (субкультуры, девиантные группы), но и гораздо выше нее (подражание профессиональным элитам с труднодоступными для среднего представителя общества навыками) (Ширинянц 2011, с. 51). При этом адаптация, по-видимому, идет за счет самых мобильных и экономически активных слоев населения, с высшим образованием (Шмерлина 2006, с. 11-13) ввиду того, что по сравнению с жителями малых городов, слоев населения с затрудненным доступом к информации и образованию, а так же малым потребительским опытом, они имеют больший тезаурус культурных икон, с которыми можно соотнести принципиально новые явления, лишив их негативной (пугающей) коннотативной нагрузки.

Усредненная и адаптированная на уровне массовой культуры и бытовых практик норма требует от индивида усилий для соответствия. Особенно остро это выражается в характерном для XX - начала XXI века культе тела, возникновение которого совпало с укреплением атеистических настроений. Раз Бог умер, человеку приходится полагаться только на собственные силы и здоровье ради уверенности в завтрашнем дне. Отсюда - разнообразие направлений здорового питания, ассимиляция восточных практик в западной культуре на уровне гимнастики, интерес к психосоматическим технологиям терапии и т.д. Таким образом, обязательные тренировки можно сравнить с епитимьей, диету - с постом, отступление от режима - с грехом. При этом остаются актуальными, десять христианских заповедей и семь смертных грехов, которые теперь рассматриваются как разрушительные для тела, своего или чужого, прямо или косвенно, при посредстве подсознания, сублимирующего энергию негативных переживаний в болезни, который еще Фрейд рассматривал как конфликт между "Сверх-Я" и "Оно" (Семке 2010, с. 8). Исключение составляет грех блуда, который теперь может рассматриваться и истолковываться ситуативно по принципу «что на пользу, то не грех».

Демонстрация красивого тренированного ухоженного тела таким образом в настоящий момент может рассматриваться не столько в контексте соблазнения, сколько демонстрация результата добродетельной жизни человека, который способен подчинять страсти, быть умеренным и трудолюбивым. Высокий уровень жизни, который иконически связы-

вается с соответствующим стандарту телом, в контексте этой логики рассматривается как результат труда, даже если он напрямую не связан со служением телу, то есть, приходит из постороннего источника, в том числе, как спонсорство.

Таким образом можно исключить категорию сексуальности, как и взгляд зрителя, который конституируется как мужской, из анализа элементов массовой культуры. поскольку соблазнение не является самоцелью, а лишь побочным эффектом. Соотнесение идентичности человека лишь со зримым миром, отождествление его с симулятивным стандартом есть всего лишь вид псевдокультуры (Фортунатова 2013, с. 247). Однако культ тела, которое с помощью разнообразных практик приобретает «сверхъестественные» качества здоровья, выносливости, приближается к идеалу мужественности или женственности как сакральная награда, метафизическая связь между миром вещей и миром идей, безусловно, должен рассматриваться в контексте социокультурных концепций той или иной эпохи, но наиболее полно раскрывает свой потенциал блага для общества, когда рассматривается не в постмодернистском, бодрийеровском ключе, а в античном, как практика обуздания аффектов.

Список литературы

Пименов, П.А. Семиологическая эстетика и графический дизайн в контексте рекламной коммуникации (проблемы моделирования единого визуального языка) / П.А. Пименов. автореферат дисс. докт. искусств. н. [17.00.06 - «Техническая эстетика и дизайн»] - М. - 2007 - 69 с.

2. Семке В. Я. Психосоматика и психотерапия в XXI веке // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. - Томск: 2010. - № 2 (59) - с. 7-8

3. Фортунатова В. А. Гуманитарные основы предпринимательской культуры // Вестник ННГУ им. Лобачевского - Н. Новгород, 2013 - № 4-6 - с. 246-249

4. Харламов, А. В. Креативность и отчуждение в современной культуре. / А. В. Харламов // Семиотика культуры: антропологический поворот. Коллективная монография. - СПб.: Эйдос, 2011. - с. 56-73

5. Ширинянц А. А. Культура в семиотической парадигме Ю. М. Лотмана / А. А. Ширинянц // Семиотика культуры: антропологический поворот. Коллективная монография. - СПб: Эйдос, 2011. - с. 41-56

6. Шмерлина, И.А. Плывущий мир моды // Социальная реальность. 2006. № 12. С. 7-25.